

МЕЖДУ
СЕВЕРНОЙ
И ЮЖНОЙ

ПОВЕСТЬ в рассказах

Ольга Серова

ЛОНГ-ЛИСТ ПРЕМИИ «НОВАЯ ДЕТСКАЯ КНИГА»
СОЮЗ ДЕТСКИХ И ЮНОШЕСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ РЕКОМЕНДУЕТ

Ольга Серова

Между Северной и Южной

Издательство "Livebook/Гаятри"

2022

УДК 82-3
ББК 84(2)

Серова О.

Между Северной и Южной / О. Серова — Издательство
"Livebook/Гаятри" , 2022

ISBN 978-5-907428-61-4

Повесть «Между Северной и Южной» детского психолога Ольги Серовой — трогательная и мудрая. Дети могут узнать в героях себя, своих друзей и одноклассников, а взрослые — оценить ее глубокий смысл. «Привет! Я — Миша, и мне десять. Мои лучшие друзья зовут меня Миха, а дома меня зовут... На самом деле, это не так важно. Самое главное, что у меня два дома. Один — на Северной, где мы живем с мамой, а другой — квартира моего папы на Южной, где он живет с новой семьей. Больше всего на свете я хотел бы, чтобы дом был один и родители жили вместе. А еще я мечтаю о собаке. Моей собаке! Чтобы гулять и играть с ней, прижиматься к ее черному мокрому носу и рассказывать то, о чем никому еще не говорил. О том, что между Северной и Южной есть настоящая жизнь. С друзьями и мафией добрых дел, которую мы придумали, классными взрослыми, которые, оказывается, тоже могут быть друзьями. С мамой и папой, которые живут в разных домах, но на самом деле в одном — моем сердце. И я снова чувствую, как возвращается счастье...»

УДК 82-3
ББК 84(2)

ISBN 978-5-907428-61-4

© Серова О., 2022
© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2022

Содержание

Дорогой Лисичкин	7
Самый грустный день	9
Северная и Южная	11
Гастролер	14
Инжир и инженер	16
Витамины	18
Романтик	20
Менуэт	22
Японский танец	24
Еще про сырники, или Ужас в холодильнике	27
Мафия МСМ	29
Клятва	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ольга Серова

Между Северной и Южной

© Ольга Серова, текст, 2022

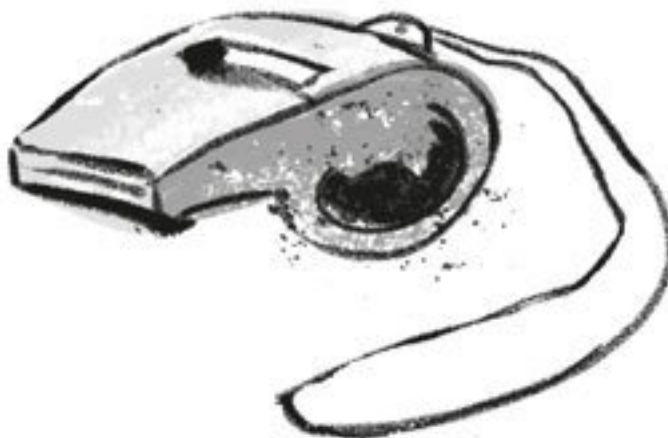
© Издательство «Лайвбук», оформление, 2022

Дизайн обложки Анастасии Ивановой

* * *

Дорогой Лисичкин

– Лисичкин! Где форма? – крикнул физрук, остановившись передо мной.
Я стал тут же думать, что сказать на этот раз, но думать пришлось недолго, потому что он тут же продолжил:

– Ставлю сегодня двойку.

Все-таки двойка по физре – это позор.

Особенно когда ты умеешь бегать сто метров за четырнадцать секунд.

И забивать подряд четыре мяча, когда мы играем в конце урока в баскетбол.

Да, особенно, когда ты третий с конца по росту среди мальчиков нашего четвертого «А».

Но физрук моих достижений не знал, потому что вел у нас физкультуру всего месяц. Старый физрук уехал в другой город, и все мы ужасно жалели об этом: он был классный, с длинными усами и бакенбардами, как какой-нибудь сыщик. Все время шутил и громко смеялся. Никогда не ставил двоек и придумывал прикольные эстафеты.

А у этого был большой живот и лысина. Лысина, наверное, ни при чем. У моего дедушки Коли тоже она есть. И живот ни при чем. Просто он, наш новый физрук, не очень похож на спортсмена.

Честно говоря, вообще не похож.

А потом он засвистел в свисток, и мы побежали наматывать круги по залу. На третьем круге, когда мне стало совсем жарко и я вытирал рукавом рубашки под носом, тысячу раз пожалел, что забыл эту несчастную форму.

А что делать, если я ночевал у папы, потому что маме по срочным делам надо было уехать?

Мои родители в разводе уже три года, и я живу на два дома.

– У тебя два королевства, – шутила мама, когда я был помладше, – одно на Северной, а другое на Южной.

Северная – это наша с мамой улица. А Южная – на которой живет папа в высоченном шестнадцатизэтажном доме.

Как по мне, так лучше бы у меня было одно большое королевство.

Сами понимаете какое.

* * *

Вечером я делал домашку по математике и отмерял отрезки для параллелепипеда. Каждый по десять миллиметров. Я представлял, что год моей жизни – один миллиметр. Значит, сейчас я всего десять миллиметров? Один сантиметр? А когда я буду учиться в летном училище – будет всего два? А женюсь я, интересно, в двадцать пять или в тридцать пять миллиметров?

А исчезну с земли?

Нет, лучше буду чертить параллелепипед.

* * *

Если что, я – Миха. Так меня зовут мои друзья: Славка и Макар. В этом имени мне больше всего «ХА» нравится. «ХА» – это как будто ты такой смелый и все тебе по барабану. А если «Ми-ША» – то ты как плюшевый медведь, который у меня на полке сидит. Мне его подарили, когда я родился.

Мама зовет меня по-разному:

Утром:

– Мишаня, вставай!

Или:

– Мишука, подъем!

Пока я рос, из Мишутки вывалилось «т», и я стал Мишука. Мне нравится.

Если я не встаю, то мамин голос влетает в комнату, как реактивный самолет, и прямо в мое торчащее из-под одеяла ухо:

– Ми-Ш-Ш-Ша! Быстро вставай!

Ну, если она не слишком торопится, может пошутить:

– Срочная эвакуация, дорогой Лисичкин!

И сбрасывает с меня одеяло.

Папа зовет меня «сын». Иногда – Лисичкин-младший. Мама после развода тоже осталась Лисичкиной, хотя я сто раз слышал, как бабушка Оля – это мамина мама – советовала ей вернуть прежнюю фамилию.

– Зачем ты осталась Лисичкиной? Вы теперь не муж и жена, – ворчала бабушка. – Верни девичью фамилию – и жизнь начнется новая. Вот увидишь.

И зачем она это говорила, моя бабушка Оля? Ведь пока мы все были Лисичкины, я верил:

- *что королевства Северное и Южное соединятся,*
- *и моя физкультурная форма всегда будет в одном месте,*
- *и больше не будет этого дурацкого позора на физре.*

Самый грустный день

Это был день, который на самом деле должен был быть веселым. Я тогда как раз заканчивал детский сад, подготовительную группу, и к нам приехал планетарий. Два дядьки надули огромный синий купол в музыкальном зале, и мы по очереди группами забирались в этот купол и смотрели 3D-фильм про космос. Я представлял себя в невесомости: лежал и крутил руками и ногами, а потом стал переворачиваться и кувыряться, пока наша воспитательница отвернулась, и докувыркался до того, что зацепился за веревку, и половина купола вместе с космосом рухнула на нас. Это было очень смешно, хоть один дядька и ругался:

– Кто это такой умный, а? Пять лет хожу по школам и садам, но еще никто не додумался свалить эту конструкцию.

Воспитательница тоже ругалась. Но не на меня, а на дядек:

– Что же у вас за конструкция такая, если шестилетний ребенок одним пальцем может ее свалить?

Я еле дождался папу, чтобы рассказать ему по дороге на тренировку, как на нас свалилось звездное небо. Но папа, вместо того чтобы помчаться со мной на занятия, зачем-то повел меня на скамейку к соседней площадке.

– Пап, – размахивал я руками, – сегодня на меня упало звездное небо! Ты веришь?

Но папа сам был как в космосе. Он выглядел как инопланетянин, потому что:

- *забыл, что мы должны идти на тренировку,*
- *не принес мне кислого мармеладного червяка, как обещал,*
- *и вообще не слушал меня.*

Он сел на скамейку, и я плюхнулся рядом. Потом папа взял меня за руку и сказал:

– Мы сегодня пропустим тренировку, ладно? Сын, нам с мамой надо пожить отдельно. Так будет лучше для всех. Я пока поживу у бабушки, а вы с мамой останетесь дома.

А потом он добавил:

– Я тебя очень люблю, Лисичкин-младший. Ты всегда будешь у меня номер один, понимаешь?

Вы представляете, что я ему тогда ответил?

– Я буду, как пожарная машина? Самая главная, потому что она «ноль-один»?

Я думал, что папа засмеется, а он опустил голову.

– Пап, – стал говорить я ему, – не расстраивайся, ты же ненадолго? Поживешь с бабушкой и вернешься. Она заболела, что ли?

– С бабушкой все в порядке, – сказал папа. – Но я не буду приходить домой. А ты будешь приходить ко мне.

И тут на меня как будто упал весь купол целиком.

– Пап, а как же башня? Мы же ее не достроили? А пещера динозавров? Ты же обещал на выходных, что мы из гипса слепим пещеру? А?

Папа молчал, и я заплакал.

Мы шли к нашему дому, и всю дорогу он говорил, чтобы я не переживал и что все наладится. Что он и так часто ездит в командировки и мы будем так же видеться. А я всю дорогу крепко сжимал его руку и придумывал, как мне его задержать дома, чтобы он остался и не уходил.

Дома я сразу побежал в свою комнату и вытащил ящик с игрушками.

Знаете, что я придумал? Выломал колеса у любимой пожарной машины. И еще лестницу. Вытащил батарейки и спрятал их под подушку. А потом принес раненую машину папе и попросил починить.

Я думал, что он останется и будет ремонтировать ее весь вечер. Но папа положил машину в пакет, обнял меня и ушел.

И тогда я снова разревелся. Мне было ужасно жалко машину, папу и маму. Я никогда не думал, что папа может куда-то деться и уйти от нас жить в другое место.

В тот вечер мама положила меня спать к себе. Она гладила мне спину и спрашивала, как прошел день в садике. Я лежал отвернувшись и совсем не хотел говорить про упавшее звездное небо. И тогда она сказала:

– Мишука, все будет как надо, потерпи. Мы с папой очень любим тебя. А еще у тебя теперь будет два дома. Две твои комнаты, два ящика с игрушками и две кровати. Представляешь? Всего в два раза больше.

А я лежал и думал, что буду терпеть. Как будто болит зуб, а я терплю.

– Мам, а сколько надо терпеть? Один день? Или два?

– Я не знаю, сынок... – шептала мама. – Но знаю, что все у тебя будет хорошо.

Ладно, думал я, лучше поскорее заснуть: вдруг проснусь утром, и окажется, что все это мне приснилось? Так бывает, я знаю.

А если нет, значит, у меня будет другая жизнь. С двумя домами и двумя ящиками игрушек.

А еще я пойду в школу, думал я тогда. И мне надо очень хорошо учиться, чтобы папа вернулся.

Северная и Южная

В тот год я пошел в первый класс. Сначала мы подружились со Славкой, хотя до этого ходили в один детский сад. Но в садике мы редко вместе играли. А потом и с Макаром. Почему-то я боялся сказать, что мы с мамой живем отдельно от папы. Целый год стеснялся. Но Славка все время говорил про какого-то Антона, который «мировой мужик», клеит с ним модели фрегатов и подводных лодок и у него смешная рыжая борода и очки в золотой оправе.

– Кто такой Антон? – однажды не выдержал я.

– Это мой отчим, – важно сказал Славка. И добавил: – мамин муж. Они меня вдвоем воспитывают.

Я и слова-то такого не знал – отчим. Тяжелое какое-то слово и чужое. Интересно, откуда они берутся, эти отчимы? У них у всех рыжая борода и золотые очки? А если и к нам такой придет и будет меня воспитывать? И вообще, я корабли не очень люблю, сейчас я самолетами увлекаюсь.

И куда денется папа?

– Мам, – решил спросить я вечером маму, – а мы тоже заведем мне отчима, как у Славки?

Мама так засмеялась, что даже заплакала от смеха. А потом прижала меня крепко:

– Мишаня, не будем мы никого заводить. У нас Кузя есть (кстати, Кузя – это наш попугай). И вообще, папа тебя завтра в гости приглашает. У него теперь своя квартира. Пойдешь?

– Пойду, пойду! – заорал я. И мигом забылись все бородатые непонятные отчим сменка, которую я, кажется, сегодня потерял. И даже учительница по ритмике, сердитая и недовольная нашими сгорбленными спинами и деревянными конечностями.

Наконец-то!

У папы новая квартира, в которой будет моя комната и огромный ящик с игрушками. Ведь до этого папа жил у бабушки Тани – это его мама. А потом он уехал в командировку на всю осень, зиму и полвесны.

К бабушке Тане я и так ходил и все там знал. Даже тайное место в шкафу, где лежали старые шерстяные носки, в которых были спрятаны деньги и ржавый ключ. Мне все время хотелось спросить, от какой двери или сундука этот ключ, но тогда бабушка догадалась бы, что я рылся в шкафу. А я не специально рылся. Просто прятал космических человечков от зомби-монстра. Это я играл тогда в такие игры.

Мы с мамой жили на Северной улице. А папин адрес теперь был: улица Южная, дом двадцать два, квартира сто. Он поселился на самой верхнем, шестнадцатом этаже.

Помню, я долго не мог заснуть. Все представлял, как зайду в новую папину квартиру и сразу заберусь на балкон, чтобы посмотреть с шестнадцатого этажа на город. А потом мы с ним будем играть в шахматы или шашки, хоть я не очень-то любил шахматы, но папа их обожал. Он покажет мне комнату, где будет моя кровать, на которую я тоже, как дома, обязательно наклею рыцарей Ордена Смелое сердце, чтобы страшные сны не снились. А потом мы пойдем в кино и в пиццерию...

– Дорогой Лисичкин, подъем, – мама сбросила с меня одеяло и пощекотала шею. – Помнишь, сегодня тебя с тренировки забирает папа и...

– ...мы поедем на Южную двадцать два! – я не мог скрыть радости, и она скакала внутри меня как мяч и даже по стенам и потолку. Но чувствовал себя странно. Ведь мама не могла пойти со мной, ее никто не приглашал в новый дом.

– Мамуля, – говорил я маме, пока одевался, – не обижайся, я ненадолго схож вернуться. Я все равно буду любить нашу Северную больше всего на свете.

– Я нисколько не обижаюсь, а радуюсь за тебя. Ты так давно папу не видел, – успокоила мама и взъерошила мои волосы.

Весь день в школе я делал все наоборот. Вместо сложения подружек Тани, которые пришли к ней на день рождения, я их вычитал, и Таня осталась только с одной подружкой. На русском я пропускал буквы и вместо «б» писал «д». На окружающем мире перепутал север и юг, а на физре чуть не зашел в раздевалку к девочкам.

В столовой я уронил локоть в гороховый суп и не поздоровался с директором школы.

Хорошо, что мы сидим со Славкой вместе и он больно тыкал меня в бок, когда нужно было отвечать.

Даже наша учительница, Зоя Петровна, подошла ко мне и осторожно потрогала лоб: не заболел ли я?

Только нет таких болезней, наверное.

Я боялся, что папа меня разлюбил, пока был в командировке. Я знаю, что, когда люди друг друга не видят, они разлюбивают. Бабушка Оля так однажды и сказала, когда была у нас в гостях и они с мамой спорили про папу и нашу жизнь: «С глаз долой, из сердца вон. Не видел год ребенка, да и позабыл», – приговаривала бабушка, а мама хмурилась...

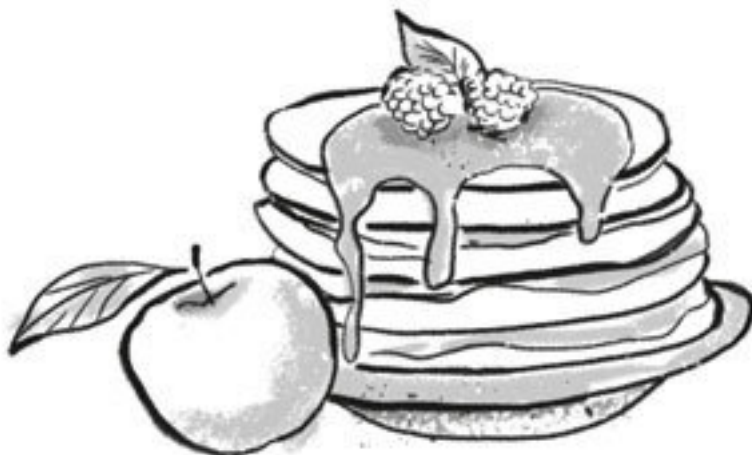
На тренировке я все время смотрел на большие квадратные часы на стене. Тогда я еще путал стрелки и не мог понять, сколько прошло времени.

– Миша, сын! – мой высоченный и самый добрый папа стоял в раздевалке. Две секунды я думал, броситься к нему или подождать, потому что в раздевалке было полно мальчишек из моей группы и все они пялились на нас.

И я бросился.

Папина рубашка так пахла его одеколоном и дождем, что у меня все защемило внутри.
Мне было все равно, шестнадцатый у него этаж или он живет в темном подвале, – в ту минуту я хотел быть только с ним и навсегда.

Гастролер

С того дня началась моя жизнь по расписанию. С воскресенья по пятницу я жил с мамой, а в пятницу папа забирал меня с тренировки, и я жил у него до воскресенья. Но это расписание было совсем не строгое, потому что иногда по субботам меня приглашали на дни рождения, и я оставался на Северной. Или мама брала билеты в детский театр или на экскурсию, и на Южную я не ездил. А когда были соревнования по каратэ, мама и папа болели за меня вместе. Только они не рядом сидели, а на разных скамейках. Я искал их глазами, а когда находил, крутил головой в разные стороны.

Папина новая квартира вкусно пахла мебелью. Я люблю, как пахнет все деревянное. И запах смолы на дереве тоже люблю.

А Макар, мой друг, любит запахи автобусов, представляете? Особенно ему нравится их нюхать, когда он в них не едет, а просто рядом стоит. Славка над ним шутит и подкальывает, а сам, например, любит нюхать резину. Зайдет в какой-нибудь спортивный магазин и давай нюхать кеды и мячи.

Мама любит запах книг. Их у нас целый шкаф. А Кузя любил запах шариковой ручки. Как только я доставал из пенала ручку, он из клетки тут же кричал: «Выпусти, выпусти меня!» На своем попугайчьем языке. А на человеческом он умел говорить «Кузя хор-роший» и «иди сюда». Я жалел его и выпускал. Кузя нападал на ручку и грыз ее фиолетовый шарик.

Мама мне уже не напоминала, как раньше, что сегодня папина пятница, я и сам это знал. После тренировки мы шли есть «Маргариту», потом ехали домой, и он стелил мне на новом темно-сером диване. Папа не спрашивал про уроки и почистил ли я зубы. Мы смотрели фильмы до самой ночи и грызли яблоки и орехи прямо на диване.

Это было много пятниц и суббот. Иногда папа делал «прогул», когда ему надо было встретиться с друзьями или куда-нибудь уехать. В прошлом году он взял меня на зимние каникулы, и мы целую неделю жили в лесном отеле вместе с его друзьями и их детьми.

– Мой любимый путешественник! – обрадовалась мама, когда я вернулся.

– Не путешественник, а гастролер, – проворчала бабушка Оля. Она к нам погостить из другого города приехала.

– Ба, – не понял я, – а кто такой гастролер?

– Кто все время с ездит с чемоданом и выступает, – я не знаю, шутила бабушка или говорила серьезно.

– Но я ведь не артист.

– Зато папа твой артист. Да еще какой, – сказала бабушкина спина из-за раковины.

Не понимал я этих взрослых разговоров, но отчего-то разозлился на бабушку. Зачем она так говорит про папу? Ведь она совсем не знает, как он меня любит.

– Мишань, просто бабушка сердится на папу, – объясняла мама, когда мы остались вдвоем. – Это она меня так защищает, ведь я же ее дочка. А родители всегда хотят, чтобы их дети были счастливы.

– А чего она сердится? Это мы с ним жили, а не она. А ты... тоже сердисься на папу? – спрашивал я маму.

– Мишука, бабушка посердится еще немного и перестанет. Все наладится. Главное, что мы есть друг у друга, – сказала мама и шмыгнула носом. Как маленькая.

Но я тогда не успокоился. Представляете, я взял и сказал бабушке, чтобы она уезжала. А потом пошел к себе и выпустил Кузю из клетки.

Он не стал летать как бешеный, а сел на плечо и начал жевать мое ухо. Сначала правое. А потом левое.

Кузя хотел меня развеселить, но мне было ужасно грустно. Я слышал за дверью шум и думал, что бабушка собирает чемодан. Наверное, она никогда больше не приедет к нам.

Никогда не испечет мои любимые блины. Моя Блинная Бабушка.

Никогда не подарит смешных роботов и динозавров. Я давно в них не играю, но мне все равно приятно, что бабушка разбирается в динозаврах.

И не свяжет мне новую сеть для захвата Доктора Осьминога. Хотя я тоже давно не играю в него.

А кстати, где старая? Я полез в ящик с игрушками и нашел на самом дне старую зеленую сеть.

Как такое бывает? Еще пять минут назад я злился на бабушку, а теперь нюхал эту старую сеть и прижимал к лицу.

Мама говорила, чтобы я не боялся слез, если мне грустно или обидно. И что скоро я почти перестану плакать, когда вырасту. А сейчас еще можно, даже если ты мальчик.

Однажды она мне даже лестницу рисовала и показывала, как я маленький, в пеленках и с соской, лежу на самой нижней ступеньке и ору во все горло. Каждый день и каждый час. И все так орут, когда маленькие. На третьей ступеньке мама нарисовала меня, где мне было три года, и сказала, что тогда я плакал через день. А в пять лет – вообще два раза в неделю, представляете?

Сейчас я плачу очень редко. Я и вспомнить не могу, когда плакал в последний раз.

Но тогда я заплакал: мне стало жалко бабушку из-за того, что я ее прогнал.

– Мишенька, – вдруг услышал я бабушкин голос совсем рядом, – пойдем блины с малиновым вареньем уминать?

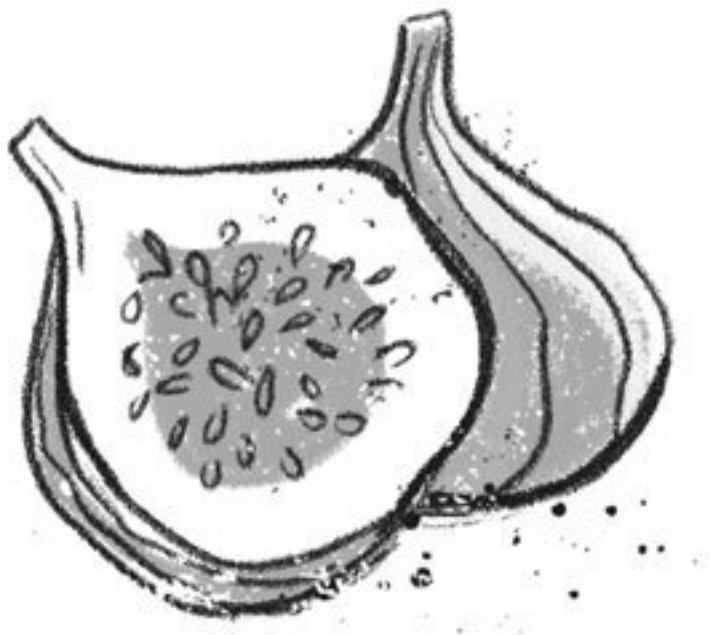
Она не обиделась! И не уезжает. Я выдохнул десять килограммов чего-то тяжелого, и мне стало легко. Наверное, я бы смог, как Кузя, бешено полететь по комнате и петь песни.

– Прости меня, ба. Я не хочу, чтобы ты уезжала.

– И ты меня прости, вечно я что-то лишнее говорю, – сказала бабушка, и мы обнялись.

Она просто хотела, чтобы все было как прежде. И я хотел. Значит, мы с бабушкой одна банда, в которой я – Гастролер, а она – Блинная Бабушка.

Инжир и инженер

Может, вам интересно, где мои дедушки? Когда-то у меня было много дедушек. Целых четыре. Два родных и два двоюродных. Но теперь они живут на небе, как говорит мама, и смотрят оттуда, как мы живем. Наверное, у них есть специальный бинокль, чтобы рассмотреть все. Иначе, как бы они увидели мою двойку по математике? И тетрадь я спрятал надежно, чтобы мама сразу не увидела. Решил, что когда будут пятерки, тогда и достану. А мама вечером вдруг сказала, что близкие люди все видят и чувствуют.

– Даже дедушки на небе? – спросил я.

– Даже дедушки, Мишань.

Сейчас у меня остался только один – дедушка Коля, мамин папа. Я зову его быстро-быстро «дедушка» – и тогда получается «дешка». Дешка Коля. Но он не обижается.

Мой дедушка умеет делать все. Фонтаны, парашюты, доспехи рыцаря и настоящий шалаш. Даже знает, как делать ириски и домашние чупа-чупсы. Когда я был маленький, он построил мне волшебный переход. Я мечтал проходить через стены, но у меня ничего не получалось, только в голове. Тогда дедушка сделал мне из специальной пленки переход. Я разбегался, закрывал глаза и проходил через пленочный портал в гигантскую коробку выше меня. А там, в коробке, были такие приключения!

Однажды я освобождал привязанных космических человечков. Марсианский колдун взял их в плен, и мне надо было за три минуты развязать и спасти их. Представляете?

А ножницами можно было пользоваться только три раза. Громко стучали часы. Бум-бум. У меня дрожали руки и колени, я боялся, что не успею. Но я смог. И дедушка подарил мне знак космического освободителя с двумя большими серебряными буквами «К» и «О» и гербом. Он до сих пор хранится в моем тайном сейфе.

Вот такой у меня дедушка Коля. Жалко, что видимся мы только летом, когда приезжаем с мамой к ним гости. Мы едем на поезде целый день, а на вокзале нас встречают дедушка и бабушка на старом серебряном «опеле».

У дедушки все космическое. И волосы тоже серебристые. И часы на руке. И ручка тоже серебристая, которой он все время пишет и пишет в толстой тетради.

– Дешка, а что ты все время пишешь? – спрашивал я.

– Я описываю эксперимент, – отвечал дедушка. – Как работает одна машина.

– Машина времени?

Дедушка смеялся и говорил, что «эта машина на все времена». Он инженер и придумывает разные устройства и специальные машины. Но это я сейчас знаю, а тогда я не понимал ничего про инженеров и про то, что они делают. Как-то на уроке Зоя Петровна спрашивала нас, кто такие инженеры и чем они занимаются. И никто не смог ничего вспомнить.

– Дешка, а что делают инженеры? – спросил я его, когда приехал прошлым летом на каникулы.

– Инженеры... – дедушка задумался. Но ненадолго. Он все придумывает быстро. – Это название большой-большой семьи. Например, мы говорим – млекопитающие. А там столько их... Хищные и приматы. Сумчатые и грызуны. Или фрукты. А фруктов, сам знаешь, друг, сколько. И такие, и этикие. Так и инженеры. Их много, и каждый занимается чем-то особенным. Но все связано с техникой, устройствами и машинами. Куда бы ты ни посмотрел, везде можно увидеть работу инженера. Электричество, стиральная машина, телевизор, да весь наш дом, Миш. У хорошего инженера должна быть умная голова.

У дедушки на столе стояла белая тарелка с нарисованными серебряными шарами, похожая на летающую, в которой лежал фиолетовый лук.

– Вот это помогает мне хорошо думать и придумывать, – засмеялся дедушка Коля и... откусил половину фиолетовой луковицы.

Я зажмурился, потому что от мысли, что лук, даже если он фиолетовый и суперкосмический, можно съесть, меня тошнит.

Наверное, у меня было ужасное лицо и в глазах луковый ужас, потому что дедушка подошел ко мне и весело сказал:

– Миша, это же просто инжир. На, попробуй, очень полезно для сердца и ума.

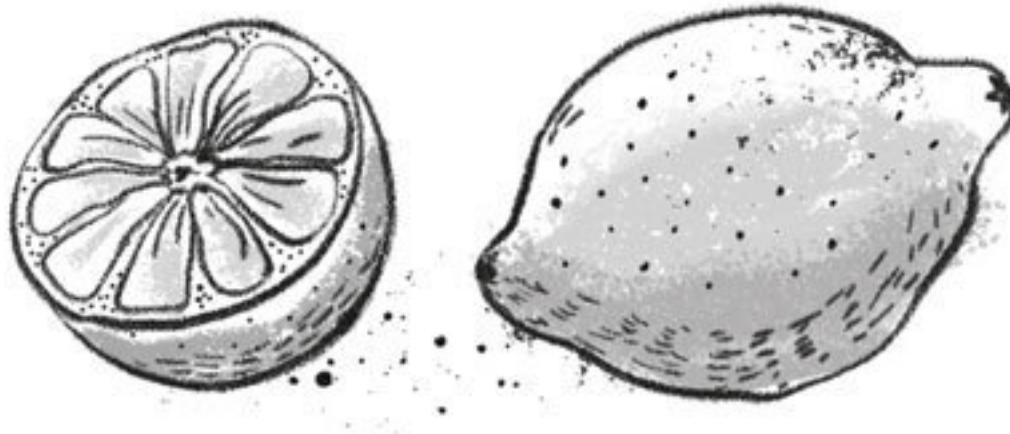
Ого, подумал я тогда. Вот почему мой дедушка называется «инжИнер». Все просто. Он ест много инжира, становится умным и придумывает супермашины.

А ночью мне приснился сон, как куча инженеров в серебряных космических костюмах сидели в нашей школьной столовой и ели этот... инжир. А потом наш директор отводила их по классам. Только вместо таблички с цифрой на двери были надписи «Приматы», «Сумчатые» и «Грызуны». А еще «Ластоногие».

И целый год я писал с ошибкой слово «инженер».

Ведь гораздо понятнее, если бы там стояла «и», правда?

Витамины

– Мишка! – мама влетела на кухню с таким видом, что у меня изо рта вывалился кусок сырника. Он плюхнулся в жидкое черничное варенье, как в лужу, и забрызгал белую школьную рубашку. – Где витамины?! Я сделал доброе и приветливое лицо, как у нашего соседа по этажу Анатолия Лукьяновича. Он всегда ходит с таким лицом. Мне кажется, он вообще никогда не злится. Может, потому что он совсем дедушка и живет один?

– Какие витамины, мам? – я даже голову наклонил набок, как Анатолий Лукьянович.

Мама смотрела на «черничную» рубашку так, как будто у меня там мышь сидела:

– О... Миша! Фу!

А потом опять:

– Так где витамины, а? Вторую банку покупаю, и опять ничего нет. Ты понимаешь, что так можно отравиться? Целая банка. Сто штук. От такой дозы можно попасть в больницу, Миша. Или в школу унес? Господи, вот наказание...

Анатолий Лукьянович мне уже не помогал. Я хотел сделать лицо разведчика Исаева – того, который Штирлиц. Фильм про него есть, он старый и черно-белый. Прошлым летом, когда я жил у бабушки с дедушкой, они все вечера смотрели этот фильм. Я мало что запомнил, но лицо у него такое было... Такое честное и уверенное лицо. С таким можно посмотреть на маму и сказать: «Да, это я взял. Чтобы спасти своих товарищей».

Но у меня не выходил и Штирлиц.

Я бурчал, что не знаю, где витамины, встал из-за стола и взял протянутую чистую рубашку голубого цвета.

Мое утро испачкалось вареньем и враньем.

Ну не мог же я сказать маме, что все витамины отдал Славке? Она сразу начнет звонить Славкиной маме, извиняться за меня и давать тысячу советов, как спасти ребенка от отравления витаминами. Наши мамы дружат.

Без витаминов Славка не может делать англиш. А кроме него, из нас троих никто не может. Он заряжается от них энергией для мозга. Я не знаю, какую Славка нашел связь между аскорбиновой кислотой и английским, но это работает.

Только мама ему не покупает, с тех пор как он в детстве слопал целую банку и ему было плохо. Вот блин! Как можно съесть целую банку такой кислятины? Я бы умер сразу на месте.

Но Славка живучий. У него даже аллергии нет. Просто у него витаминная зависимость. В школе мы с Макаром взяли с него клятву, что он растянет банку на неделю. Ту самую, которую я ему отдал.

– Славон, – сказал я ему на перемене, – давай думай, чем витамины будешь заменять. Я читал, что их нельзя есть постоянно. Может, на лимоны перейдешь?

– Ненавижу лимоны, – отрезал Славка и изобразил приступ тошноты так похоже, что на него стали оглядываться. Мы смеялись, но внутри становилось не так весело.

Придется нам с Макаром скатываться с пятерочной горы за домашку по английскому в ущелье троек.

А потом я подумал: почему Славка не может просто так давать нам списывать? Без всяких витаминов? Мы же друзья?

Чего он вообще придумал про эти витамины?

Вечером я спросил у мамы, должен ли друг помогать в учебе. Она обняла меня и улыбнулась:

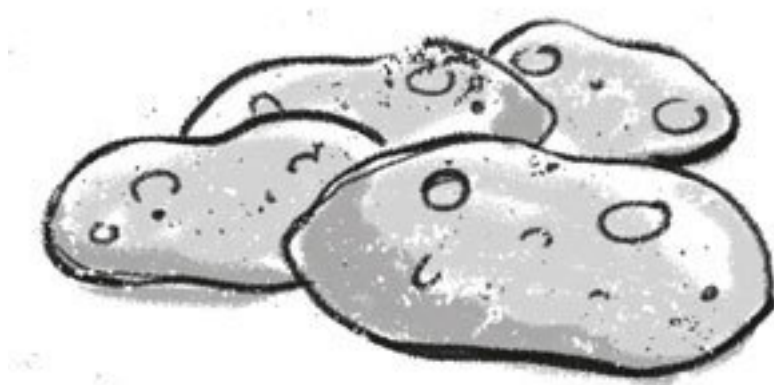
– За витамины точно нет.

«Откуда она узнала?» – испугался я. Вечернее разоблачение не входило в мои планы.

– Кстати, мой дорогой Лисичкин, а рубашку я отстирала, – и так хитро посмотрела на меня.

Люблю, когда вечер лучше утра.

Романтик

Я никогда не поеду в Англию.

И в Америку тоже не поеду.

А если и поеду, то буду говорить без этого инглиша. Почему люди и так друг друга понять не могут? Вот кошки и собаки друг друга понимают. И лошади. Подойдут, ткнутся носами или мордами, покрутят хвостом – и поговорили.

Я, конечно, вряд ли буду носом с незнакомым человеком тыкаться. Тем более и хвоста у меня нет. Но руками и ногами – запросто.

Учительница по музыке нам говорила однажды про «язык танца». Хотел бы я так – станцевал, и все тебя поняли. Особенно когда тебе ужасно хочется что-то такое сказать, а ты не можешь. Когда злишься или обижаешься. Но танцевать я не умею.

Мне обидно, потому что сегодня я получил двойку по английскому. Это моя первая английская двойка за десять лет. С одной стороны, это вроде не плохо – раз в десять лет получить двойку. Но с другой... Раньше они ко мне дороги не знали, а теперь как потопают. Маршем. Раз-два. Раз-два.

А все потому, что Славка, как назло, заболел, а мы с ним на инглише вместе сидим. И диктант я написал плохо.

Мне очень хотелось позвонить маме и все рассказать. Но я решил терпеть до вечера. Может, вечер мудренее утра?

Я сидел и сидел, а потом подумал: надо маму заранее чем-нибудь обрадовать. Когда ты радостный, ты же не можешь сердиться?

Сделаю ей пюре. Первый раз в жизни.

Я вытащил из ящика четыре картофелины и кое-как их почистил. Из больших картофелин вышли совсем маленькие и кривые, но это не беда. Какая им разница, если я их все равно разотру?

* * *

– Мишука, привет, сынок, – мама зашла домой и стала спрашивать ничего не знающим голосом: – Чем это у нас так вкусно пахнет, а?

Мне хотелось сказать, что так пахнет двойка по английскому, но я молчал. Положил в тарелку пюре, а вокруг пюре разложил забор из нарезанных огурцов и подал маме.

Она посмотрела на меня с таким восхищением, что у меня загорелись щеки.

– Какой ты романтик у меня, Мишань! Ужин приготовил! Вот счастье-то будет, кому достанешься.

– Мам, – вдруг говорю я, – а папа был счастлив, когда ты ему досталась?

Кто меня за язык дернул, думаю. Вдруг она сейчас расстроится и заплачет, как плакала тогда, давно, когда они с папой ссорились.

Я помню, как сам плакал тогда, прятал папину фотографию, где мы с ним в цирке, под подушку. А мама утешала меня и говорила, что все наладится.

Папа мне это тоже говорил. Что будем с ним везде ходить и ездить. И гулять. Только «спокойной ночи» он мне говорить не сможет. Но ведь это не главное?

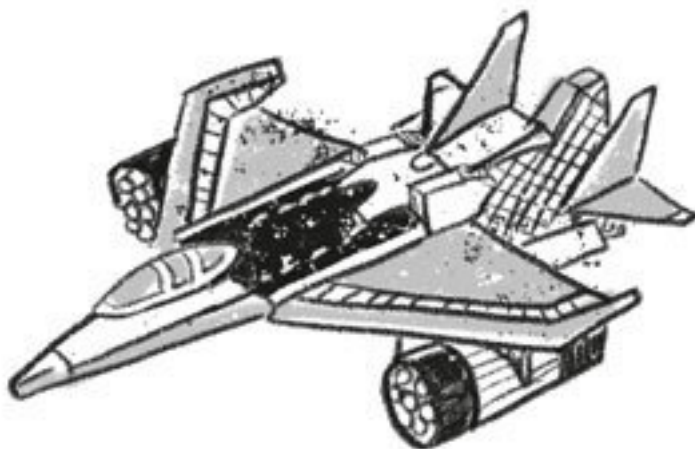
– Сынок, Миша, – мама вдруг стала серьезной и посмотрела мне прямо в глаза. – Я не знаю, как тебе это объяснить, сможешь ли ты понять меня... Но я не могу сказать тебе, что это только наши взрослые дела. Ты тоже с нами. И ты наш любимый и долгожданный сын. Папа был счастлив. И я была счастлива. Все у нас было хорошо, а потом мы как будто выросли. И я, и папа. Нам стало тесно вместе, как в маленькой одежде, понимаешь? – мама обняла меня и прижалась губами к моему лбу.

Я не совсем понимал, что значит «выросли», но в эту минуту мне показалось, что я тоже вырос.

И я уже не десять миллиметров, как тогда на линейке. Потому что понимаю маму и без этих объяснений.

На каком-то другом языке, по которому я никогда не получу двойку.

Менуэт

– Мам, а папа меня точно любит?

Иногда я задаю глупые вопросы. Но без них никак нельзя, потому что, когда я получаю ответ, у меня будто сил прибавляется. В каждом кармане моей любимой синей толстовки с белыми полосками на рукавах. Папу мне стыдно спрашивать, мы с ним двое мужчин и давно не говорим на такие темы.

А моя мама все знает. И наверняка знает про это тоже.

– Конечно, любит, Мишань. Ты же его сын.

– А как это проверить?

Мама задумалась. Мы с ней видимся каждый день, и я точно знаю, что она меня любит. Мне и проверять ничего не надо.

– Ну, ты просто вспоминаешь какие-то случаи, что-то такое, особенное. Когда папа тебя защищал или помогал. Спасал от чего-то. Ты же это чувствуешь?

И я стал вспоминать...

Когда мне было шесть лет, мама решила отдать меня на балльные танцы. До этого я ходил только в кружок по лепке.

– Мишутка, – сказала она ласковым голосом, когда я собирал перед сном игрушки. Тогда буква «т» еще не выпала из моего имени. – Я очень хочу, чтобы ты ходил на балльные танцы. Это так красиво!

Я сморщился, потому что представил, как буду в смешном белом парике и в коротких штанах танцевать какой-нибудь менуэт. Зачем маме это нужно? Что же в этом красивого?

Но мама сказала:

– Давай попробуем? Если не понравится, уйдем.

А папа спросил:

– Сын, ты хочешь?

Я посмотрел на него, а потом на маму и... согласился.

Можно ведь и без парика танцевать?

На следующий день мы пошли на первое занятие. Помню, что не мог заснуть в тихий час в детском саду. Ворочался и думал об этих балльных танцах.

Когда мы вошли в большой зал, весь в зеркалах, красивая тетенька подошла к нам и заулыбалась:

– Какое счастье, что пришел мальчик! Мальчики у нас в дефиците.

– Что такое «дефицит», мам? – шепнул я маме. «Дефицит» – похоже на «аппендицит». Я боялся этого аппендицита. Однажды, когда я был у бабушки на даче и жевал семечки вместе с кожурой, она напугала: «Не ешь с кожурой, а то будет аппендицит и придется живот резать».

– Мишаня, это значит, что нас очень ждали, – мама обняла меня и подтолкнула в середину зала.

Тут включили музыку и яркие лампы, а настроение мое выключилось.

Я смотрел по сторонам и мои ноги тоже смотрели по сторонам. Я все время оглядывался на рыжего мальчика, потому что еще в раздевалке заметил у него в руках крошечный самолет-трансформер. И теперь он сжимал его в кулаке, а зеленые крылья этого самолета торчали в разные стороны.

В тот день я не хотел танцевать.

Я любил музыкальные занятия в садике с нашей Ириной Владимировной. На них всегда было весело. А сейчас, в этом большом зале, с кучей незнакомых девочек и кучкой незнакомых мальчиков – мне было скучно и нерадостно.

Когда мы возвращались домой, мама спрашивала меня, что мне больше всего понравилось, а я только и думал про тот зеленый самолет-трансформер у рыжего мальчика.

– Ничего, Мишутка, – подбадривала мама, – в следующий раз тебе обязательно понравится. Первый раз всегда волнуешься.

А на следующий день в садике я поссорился с Женькой. Он больно ударил меня по спине пять раз. И когда вечером папа меня забирал, я рассказал ему об этом. Я не думал жаловаться, просто не захотел играть в «Скажи наоборот», и папа стал расспрашивать, что со мной случилось.

И тогда я ему все сказал. И про Женьку, и про то, что не хочу на бальные танцы.

Папа крепко взял меня за руку и стал серьезным.

А дома, как только мы зашли, он с порога сказал маме:

– Не будет наш сын ходить на бальные танцы. Завтра я его на восточные единоборства отведу. Пусть будет крепким и смелым.

И сел шить мне кожаную грушу. Представляете? Он разрезал старую черную куртку на один большой прямоугольник и два круга. А я смотрел на папу и думал, как же сильно его люблю. Он защитил меня от бальных танцев.

Тогда я представить не мог, что когда-нибудь он будет жить в другом месте. Без меня и мамы.

Но тот вечер был счастливым.

А мама достала из кладовки большую кожаную сумку и отрезала у нее толстую цепочку. Для моей груши.

– Мишань, – сказала она и почему-то вздохнула, – да и не нужны нам эти бальные танцы. А вот груши очень пригодятся.

Японский танец

– Пап, – решился я однажды рассказать папе, когда мы возвращались с тренировки; была пятница и мы шли на Южную, – что делать, когда тошнит от ритмики?

Есть вещи, в которых папа классно разбирается. Я уже в четвертом классе, а у нас до сих пор эта ужасная ритмика.

– Сын, у многих есть что-нибудь, от чего тошнит. Но это проходит, – весело говорит папа.

– А тебя в детстве тоже тошнило от чего-то?

– Еще как! Ты не поверишь, но меня тошнило от музыкальной школы, – он даже остановился, когда это сказал.

Конечно, не поверю. Потому что мой папа круто играет на гитаре. И на обычной, шести-струнной, и на бас-гитаре. И даже на флейте умеет.

– И что ты делал с этой тошнотой?

И папа рассказал, что долго мучился от сольфеджио и разучивания скучных гамм. И вообще он не хотел в музыкальную школу. Просто мама и ее подруга решили отдать своих детей туда вместе. Только того мальчика не тошнило, и он обожал все эти гаммы. А папа мечтал о хоккее и баскетболе. Он много раз уговаривал маму выписать его из музыкальной школы. Но мама хваталась за сердце и говорила, что не переживет этого. А потом папа поехал в детский лагерь и там они ставили спектакль. И он неожиданно вспомнил гаммы и даже целые песни и сыграл роль уличного музыканта.

– После этого я влюбился в музыку. Стал ее чувствовать. А потом и сам песни стал сочинять.

– Значит, мне надо тоже поехать в лагерь и сыграть роль уличного танцора, чтобы влюбиться в ритмику? – мне кажется, я умею шутить, потому что папа смеется и обнимает меня.

– Вот смотри: ты занимаешься каратэ и терпеть не можешь ритмику. Как подружить спорт и танцы?

Я ума не приложу, как их подружить.

Представил, как мой тренер Алексей Иванович в белом кимоно с черным поясом приглашает на танец Викторию Игоревну, учительницу ритмики. И говорит ей: «А давайте подру-

жим мое каратэ и вашу многоуважаемую ритмику?» А она поднимает на лоб свои стрекозиные очки с зелеными стеклами и отвечает: «Нетушки, никакой дружбы быть не может».

И тут я вспомнил, что на Восьмое марта мы собирались с Зоей Петровной сделать театральный номер для школьного концерта.

– Пап, а может, предложить Зое Петровне сделать каратистский танец? Я и мальчики будем воинами, а девочки пусть себе танцуют, когда мы кого-нибудь победим.

– Это суперидея, сын! Только надо подойти к учительнице ритмики и попросить ее помочь поставить танец.

– Да она в жизни не согласится на каратэ.

– А ты попробуй. Так она живет себе и думает, что тебе ничего не надо на ее уроке. А ты удивишь ее и заинтересуешь. Вот увидишь.

Только за субботу и воскресенье идея перестала быть супер. И к понедельнику от нее осталась маленькая идейка, как кружок засохшей каши в тарелке. Я боялся Викторию Игоревну. Но мне очень хотелось испытать папин совет. А вдруг получится?

– Хорошо тебе, ты каратэ занимаешься. А мне чего предлагать? – ворчит Славка.

– Ты можешь быть деревом, из-за которого я буду выбегать, чтобы убить дракона, – предлагаю я.

– Сам ты, Миха, дерево. Я лучше буду драконом.

– А вдруг я тебя по-настоящему убью? Нечаянно. Попаду ногой в глаз?

Тут Макара осеняет:

– А мы сделаем дракона с двумя головами. Я одна голова, а другая Славона. Кто-нибудь выживет.

И мы засмеялись. Славкина мама, тетя Света, не выдержит даже одного взмаха чужой ноги к его голове. Даже драконовской. Выбежит на сцену и поколотит меня, чтобы защитить сына. Она даже разбираться не будет, что Славка – переодетый дракон.

Придется все-таки идти к Виктории Игоревне.

Во вторник перед уроком ритмики мы пошли к ней. «Будь что будет, – думал я, – еще один год, и ритмика закончится, как-нибудь переживу».

– Виктория Иговна, мы хотим... – я начал быстро говорить, пока не кончился бензин в моей говорильной машине, и запнулся.

– Я вас внимательно слушаю, мальчики, – она на секунду подняла на нас глаза, которые мы еле разглядели из-за желто-зеленых очков, и продолжила что-то печатать на ноутбуке.

И я все рассказал. Про номер с каратэ и драконами с двумя головами. Оказывается, когда тебе нравится идея, она становится сильной и за нее хочется бороться.

Виктория Игоревна развернулась, подняла стрекозиные очки и улыбнулась.

– Гениально! Наконец-то проснулись мои ученики. Как я рада! Мы с вами такой номер сделаем, какой эти стены еще ни-ко-гда не видели. Сегодня после уроков жду вас здесь. Всех участников. И Зоя Петровна тоже пусть подходит. Надо же костюмы обсудить.

И знаете, почему-то впервые в этот день меня не тошнило от ритмики.

Репетиции у нас были такими шумными и веселыми, что даже директор приходила и спрашивала, что случилось.

– Мы учимся красиво и аккуратно побеждать дракона, – размахивая руками, как дирижер, объясняла Виктория Игоревна.

Три недели мы готовили японский танец с драконом. Я изображал воина, потому что все решили, что у меня получается лучше всех эта... координация.

Нашему номеру хлопали громче всех, представляете? А громче всех хлопала Славкинама. Очень ей понравилось, как он головой извивался.

И моя мама хлопала.

А папе мы видеозапись послали. Если бы не он, и танца бы не было, так ведь получается?

И я бы никогда не узнал, что Виктория Игоревна может улыбаться доброй улыбкой даже в стрекозиных очках.

А папа написал мне эсмэс: «Горжусь, сын».

Еще про сырники, или Ужас в холодильнике

Я и забыл, что припрятал в холодильнике археологическую раскопку. Вспомнил, когда услышал мамин крик из кухни:

– МишА-А-А-А! Какой ужас! Что это здесь? У меня сейчас сердце разорвется!

Странные взрослые, правда. Водят детей в зоологические музеи, показывают им скелеты и черепа, чучела и зародышей в банках. Удивляются и даже улыбаются. «Смотри, какой милый», – говорят. Я сам слышал, когда осенью мы ездили с классом в такой музей. Мама тоже была с нами. Сопровождающей. А когда такой милый череп лежит перед тобой на полке холодильника, кричат, что это ужас.

– Мам, – говорю спокойно, – это же просто череп вороны. Чего ты испугалась?

В такой момент я чувствую себя старше мамы раза в два или три. Наверное, как наш сосед Анатолий Лукьянович. Мне хочется ее прижать и погладить по голове, как маленькую.

Но мама очень сердита.

– Мишка, ну разве так можно? Ты его еще на пачку с творогом положил, додумался.

– Я хотел его охладить, чтобы не испортился, – говорю. – Я потом его высушу и унесу к себе. Мам, ну ты же любишь животных...

Мама смотрит на меня, как на безнадёжного. Я этот взгляд хорошо знаю. Типа «О чем с тобой говорить? Бесполезно». Хорошо, что не заставила меня выкинуть раскопку.

Я взял череп и понес его в комнату.

Вспомнил нашего волнистого попугая Кузю. Веселого и умного. Он так смешно говорил: «Кузя хороший», «Привет, иди сюда». Я даже научил говорить его «хочу в школу», представляете?

Кузя был моим младшим братом. Мы даже жили с ним в одной комнате. Если бы птицы могли спать, как мягкие игрушки, под одеялом, я бы клал его с собой каждый вечер.

Когда я делал уроки, Кузя ходил по столу и хватал за кончик ручки, которой я писал. Я смеялся, отпихивал его. Тогда он начинал грызть угол тетрадного листа. Больше всего Кузя любил грызть тетрадь по русскому. Может, потому что я дольше всего с ним сидел?

Прошлым летом мой попугай улетел из раскрытого окна. Я был у бабушки с дедушкой, когда это случилось.

Помню, как автобус привез нас к остановке с вокзала, когда мы вернулись, и я удивился, что мама не встречала нас с бабушкой, хотя мы договаривались. Мы постояли немного, и тут я увидел ее. Она бежала вся какая-то расстроенная, и лицо было заплаканным.

Мама прижала меня:

– Мишаня, сынок, прости меня, я не доглядела. Кузя улетел. Сегодня. Все утро его ищу, бегаю по улицам, уже объявление дала. И кто меня дернул балкон открыть, когда он летал по квартире?

Я ужасно злился на маму. Три недели, пока меня не было здесь, я скучал по ней и Кузе. А теперь у меня ничего не осталось. Ни скучания по маме, ни Кузи.

Дома я плакал, обнимая пустую клетку. Собирал Кузины голубые перышки и складывал в коробку. Помню, что аппетит пропал на целую неделю.

Другого попугая я не хотел. Мы искали Кузю. Я даже молился Богу. И мама, мне кажется, тоже молилась. И мне стало так жалко ее, ведь она со мной все дни была рядом. Не говорила, что это ерунда, что будут у меня другие попугаи. Утешала и вспоминала Кузю вместе со мной.

А потом все стало забываться, потому что было лето и каникулы. Залив и дача бабушки Тани, мои друзья и футбол с баскетболом на школьной спортивной площадке.

...И когда я нашел вороний череп, я подумал...

– Мишука, – мама зашла в комнату, подошла ко мне и присела на корточки. – Ты про Кузю вспомнил? Поэтому череп домой принес?

Как она поняла?

– Будешь сырники? – спросила мама. – Из того самого творога?

И я засмеялся.

Мафия МСМ

Однажды на классном часу Зоя Петровна рассказывала про акции добрых дел. Что хорошо делать добрые дела для людей и для нашей планеты. И что людям легче, чем планете, потому что ей почти никто не помогает, и она задыхается от мусора и вредных выбросов.

Я смотрел в окно и представлял нашу планету. Почему-то мне казалось, что она не круглая, как на фотографиях из космоса, а плоская и какая-то мягкая и воздушная, точь-в-точь как бабушкино лоскутное покрывало, которым она меня укрывает, когда я живу у них на даче.

И вот она летает над нами, как ковер-самолет, с большим носовым платком, чихает и сморкается. Даже кашляет. Но она так далеко от нас, высоко-высоко в небе, что мы ее кашель не слышим.

– Апчхи! – я аж подскочил на месте. А это Славка мне в правое ухо чихнул. Планетой, что ли, прикидывается? Мысли мои читает?

– Миша, а у тебя есть идеи, как мы можем помочь планете? – долетает до левого уха добрый голос Зои Петровны.

В моей голове тут же поскакали идеи. Как кони с длинными огненными гривами и хвостами.

Один конь был «Сбор макулатуры». Это мне дедушка Коля рассказывал, что в его молодое время дети собирали старые газеты и журналы и приносили в школу. Двадцать килограмм макулатуры – это одно спасенное дерево, говорили им учителя. Он и его друзья собирали ее у себя дома, потом ходило соседям и спрашивали, есть ли у них макулатура. И мама тоже сдавала макулатуру. У них целые соревнования были. Чей класс сдаст больше и быстрее. Мама так торопилась, что однажды по ошибке взяла бабушкины журналы про здоровье, которые она собирала всю жизнь. Целых пятнадцать килограмм. А остальные пять она взяла у дедушки журналами про рыбалку. Ох и влетело ей тогда, смеялась мама, когда рассказывала мне эту историю. И никакие объяснения бабушке про спасенные деревья не помогали. «Как я теперь без здоровья?» – чуть не плакала она тогда.

Тогда еще никто не знал, что скоро будет интернет, в котором можно найти все журналы. И вообще все.

А еще был конь «Сбор пластика». Это я на ютубе видел. Пластиковые бутылки и пакеты не разлагаются и остаются на земле навсегда. Они засоряют землю и наступают на нас, как непобедимый враг. Вот так проснешься, захочешь пойти на улицу, а дверь открыть подъездную не сможешь. Потому что пластиковые стаканы и вилки с ложками уже столпились у входа. И ножами размахивают: все, пришли мы! Больше деваться некуда.

Но мне хотелось такого коня, про которого никто бы не подумал сейчас. Даже мама, которая работает инженером-экологом. Она заботится о чистоте окружающей среды.

И я взял и сказал:

– Можно почистить лифт в своем доме. От надписей и жвачек. Потому что дом – это тоже планета. Только маленькая.

Чувствую, острый Славкин локоть вонзается мне между четвертым и пятым ребром.

– Как ты здорово придумал, Миша! – обрадовалась Зоя Петровна.

А соседние парты засмеялись. И не только соседние, а даже самая задняя парта Витьки Грушина затряслась от смеха. Я это спиной почувствовал и покраснел.

Вот кто меня за язык дернул? Делаешь, делаешь что-то, чтобы тебя в классе уважали, а тут – бряк, скажешь не то, и все смеются. Как будто я самую смешную глупость сказал.

Кого мне сейчас выбрать? Зою Петровну? Своего коня или Славкин локоть с партой Грушина?

И тут Полина Камышева, которая в начале года пришла к нам в класс, сказала:

– А мне нравится, что Миша придумал. Не каждый сможет это сделать. Проще посмеяться или дальше приклеивать жвачки в лифте.

– Да, Полина, ты права, – поддержала Зоя Петровна. – Вот Миша и сможет попробовать, если не передумает.

На мое счастье, прозвенел звонок, и все побежали переодеваться на физру.

– Мих, – подошел к нашей со Славкой парте Макар, – ты что, правду про лифт сказал?

– Правду, – выдохнул я. – Мне папа рассказывал, что когда делаешь самые непривычные дела, мозг развивается.

Честно, я ни на что не рассчитывал. Сам я никогда об этом не слышал, чтобы дети мыли лифты. Я мысленно уже прокрутил, как почищу лифт в своем доме, раз уж проговорился об этом. Поэтому очень удивился, когда Макар хлопнул меня по плечу и сказал:

– Я с тобой. Надо попробовать, мы ж не развалимся?

Славкины глаза стали круглыми, а указательный палец поднялся к виску.

– Вы серьезно? Не, лифт я не пойду мыть ни за что на свете, – затараторил Славка. – Давайте хотя бы бездомным кошкам и собакам помогать.

И мы пошли прыгать через козла.

Видимо, я хорошо прыгал, и мысли тоже хорошенько попрыгали, потому что кроме пятерки по физре у меня придумалась крутая идея.

После урока в раздевалке я предложил Макару и Славке сделать из нас троих такую команду, которая будет делать полезные акции.

– Мафия! – закричал Славка, – давайте сделаем мафию. Только без лифта.

– А как мы ее назовем? – задумался Макар. – Не может же она быть просто мафией? Подумают, что мы бандиты какие-то.

– Самое простое: можно взять первые буквы наших имен. М, С и опять М. МСМ! – говорю я, и настроение мое взлетает куда-то вверх. Как будто прыгнуло через козла в физкультурном зале.

Мы решили каждую неделю делать тайную акцию спасения. Но самое главное условие – что мы никогда этого раньше не делали. И составили план. Первым пунктом было отмывание лифтов в наших домах по очереди и расклейка в них воззвания для приклеивателей жвачек и рисовальщиков.

– Если не хочешь, можешь не отмывать, – предложил я Славке, – мы с Макаром и сами справимся. А ты к нам потом присоединишься.

Но Славка тут же передумал.

– Ладно, я с вами. Все-таки мафия – это не два человека.

Вторым по списку мы решили собрать мусор в наших дворах. Дальше шло доброе дело для старых людей. Для начала мы выбрали моего соседа Анатолия Лукьяновича. Ему помогать не страшно. Потом мы задумались и долго не могли ничего придумать, пока Макар не предложил разыскивать людей с воздушными шарами и предупреждать их об опасности шаров для животных. Четвертым и пятым – помощь бездомным животным и защита кого-нибудь из младших классов. Мы возьмем его или ее под крыло.

Славка категорически не хотел делать все тайной.

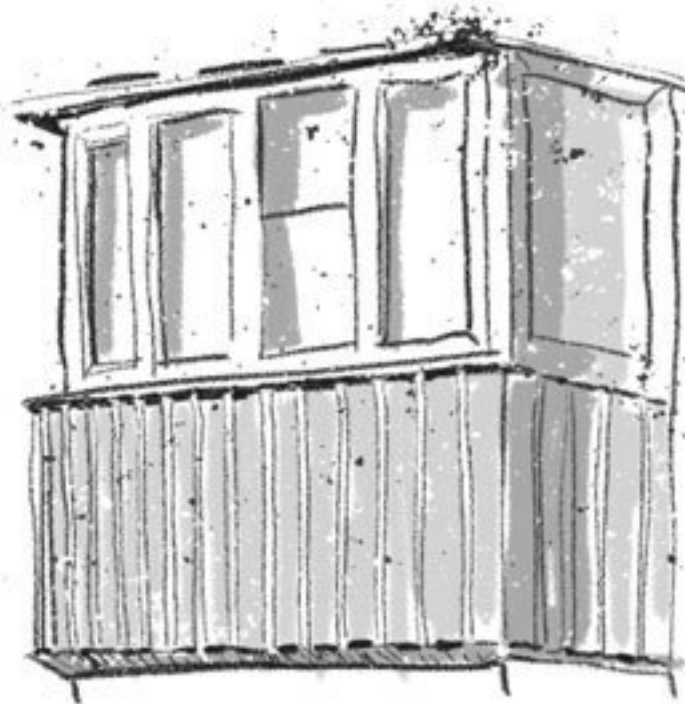
– Не-е-е, – кричал он так, что на него оглядывались прохожие, – я так не хочу. Что же получается? Я буду корячиться, а никто даже не узнает, что это я? То есть мы все, – быстро поправил он себя.

– Слава хочет славы! – пропел Макар так, что и на него оглянулась одна тетенька с коляской и угрожающим взглядом.

В конце концов, мы решили начать делать акции по спасению тайными. А если никто нас не распознает, тогда мы и расскажем. На классном часу, например.

Но сначала нужно было придумать клятву.

Клятва

Целую неделю мы не могли решить, как будем клясться. Способов оказалось очень много.
– Мой Антон рассказывал, что они с друзьями, когда были маленькими, обменивались кровью, – шепотом сказал Славка на перемене.

Мы с Макаром чуть не упали со стульев.

– Твой Антон был вампиром? – смеялась голова Макара, потому что он повалился прямо на парту, как раз рядом с яблочным огрызком. – И после уроков они пили кровь друг друга, потому что весь класс был вампирский, да?

Но Славка шутку не оценил и хмыкнул:

– Сам ты вампир. Сразу видно, что книг не читал про это, а я читал. И Антон рассказывал, – тут Славка сделался очень важным. – Раньше было принято выдавливать из пальца кровь или колоть чем-то или резать, когда решали давать клятву. А потом прижимали пальцы так, чтобы капли соединялись. Просекли?

Конечно просекли.

Я и сам читал про такие клятвы. Просто Славка смешно сказал, «не-вер-но сфор-му-ли-ро-вал», как любила говорить наша учительница Зоя Петровна.

– В наше время так не делают, – так сказал Макар. – Мы же не древние люди!

– Это Антон древний? Да он знаешь что на компьютере может? Все, что хочешь, – нахмурился Славка, которому очень хотелось совершить древнюю кровавую клятву.

Никто и не спорил, что наши родители не древние, а современные люди. Хотя иногда мне кажется, что они жили в какое-то далекое время. В этом времени ни у кого из детей не было телефонов и гаджетов. Никаких «Решebников». Все свободное время эти дети читали и занимались спортом. И много чего полезного делали.

Правда, чипсы тоже ели. Мама сама призналась. Эти чипсы, скажу я вам, не дали уйти моим родителям в древнее время в пещеры со шкурами и кострами.

– А давайте обменяемся ключами от квартир? – предложил Макар.

– Тогда мы точно будем связаны навсегда.

– И ты пойдешь вместо меня домой? – хмыкнул Славка так, что даже хрюкнул в конце. – Представляю, как ты заходишь в нашу квартиру и говоришь моим родителям: я сегодня буду вместо вашего сына. Потому что сегодня он у моих родителей вместо меня. А потом пойдешь гулять с нашей собакой. И лапы ей не забудь шампунем помыть...

– Да нет же! – закипятился Макар. – Никто никуда не пойдет. Сделаем запасные ключи и поменяемся. Просто, чтобы были. Мало ли что...

Идея с ключами нам не понравилась. Однажды я потерял ключ, когда учился в первом классе, и папа долго не мог подобрать надежный замок вместо старого, потому что старый он выломал на всякий случай, чтобы тот, кто нашел ключ, не забрался в нашу квартиру.

В общем, я сказал:

– А давайте напишем клятву на маленьком листке и съедем его. Так тоже делают, я в кино видел.

И мои друзья согласились.

На следующий день сразу после уроков все пошли ко мне, потому что только моя квартира была свободная. У Макара дома мама и младшая сестра, которая еще не умела ходить, а только ползала. И бабушка в придачу, только ходячая и пекущая вкусняцкие пироги с яблоками. А у Славки отчим Антон часто работал дома на компьютере.

– Надо сначала решить, что писать будем, – сказал Макар. – Предлагаю так: «Клянемся в верности до конца жизни нашей Мафии МСМ». Вот. Я написал, – и протянул квадратик голубого листка.

– А вдруг до конца жизни мы не будем дружить? – засомневался Славка.

– Ты чего? Сомневаешься в нашей дружбе? – удивился я.

– О! Я понял! – закричал Макар. – Тут как прочитать, смотрите: «Клянемся в верности до конца жизни нашей Мафии МСМ». До конца жизни не нашей, а Мафии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.